

Примечания

¹ См. Дробижева Л. М. Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития // Сов. этнография. 1985. № 5; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. С. 258—259.

² О принципах выборки см. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М., 1984. С. 111—122. Повторные исследования проводились на основе тех же принципов. Автор является участником исследования, разрабатывающим тему этнического самосознания.

³ См. Молодая гвардия. 1970. № 8; Огонек. 1969. № 30; Литературная Россия. 1969, 1 августа; Советская Россия. 1969, 3 августа; Литературная газета. 1969, 27 августа; Новый мир. 1969. № 7; Коммунист. 1970. № 15 и др.

⁴ Звезда. 1976. № 6; Молодая гвардия. 1975. № 10.

⁵ Социально-культурный облик советских наций. М., 1986. С. 364; Механизм торможения. М., 1988. С. 209; На пороге кризиса. М., 1990. С. 369.

⁶ Социально-культурный облик советских наций. С. 64.

⁷ Изучение И. Снежковой читательского спроса в Москве показало, что на «Печальный детектив» Виктора Астафьева очередь в районных библиотеках Москвы была более 100 чел., так же как и на «Зубр» Даниила Гранина — наиболее популярное в начале второй половины 1980-х гг. произведение.

⁸ Дунаев М. Роковая музыка // Наш современник. 1988. № 1. С. 163, 164.

⁹ Распутин В. Жертвовать собой для правды // Наш современник. 1987. № 2. С. 171.

¹⁰ Память и «Память» // Знамя. 1988. № 1. С. 193.

¹¹ Аргументы и факты. 1990. № 7. С. 6.

¹² Кузьмин А. К какому храму мы ищем дорогу // Наш современник. 1988. № 3.

¹³ Неформальная Россия. М., 1990. С. 307.

¹⁴ Наш современник. 1990. № 1. С. 168—176; № 2. С. 9, 11; № 3. С. 88; № 4. С. 140 и др.

¹⁵ См. Гулыга А. Русский вопрос // Наш современник. 1990. № 1. С. 168, 176.

¹⁶ «Русский сепаратизм...» считает: «Цель России — Россия!...» «Пора сбросить с себя кусающих, неблагодарных соседей, вырваться из их урчащего клубка и остаться одним». (А. Проханов. Заметки консерватора. // Наш современник. 1990. № 5. С. 90).

¹⁷ Там же. С. 91.

¹⁸ Там же. С. 98. К. Раш. Армия и культура // Наш современник. 1990. № 5. С. 103.

¹⁹ Литературная Россия. 1990. № 9; Письмо напечатано в журн. «Наш современник». 1990. № 4; в газ. «Память». 1990. № 1 (газ. патриотического объединения «Память», Новосибирск).

²⁰ Литературная Россия. 1990. № 9.

²¹ Литературная газета. 1990. № 41. С. 5.

²² Литературная газета. 1990. № 32; № 41.

²³ Правда. 4 июля 1990 г. С. 2.

²⁴ Литературная Россия. 1990. № 6. С. 6.

²⁵ Информационная программа «Время» Центрального телевидения. 20 августа 1990 г.

© 1991 г.

Р. Р. Рахимов

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТАДЖИКСКО-УЗБЕКСКИХ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В последние годы Среднеазиатская этнографическая экспедиция Ленинградской части Института этнографии АН СССР изучает проблемы традиционной и современной городской культуры Средней Азии. С этой целью исследования проводились в Самарканде (1987—1988 гг.) и Бухаре (1989 г.). Программа экспедиции охватывала значительный круг вопросов, в том числе межнациональные отношения. В настоящей статье рассматривается современное состояние узбекско-таджикских межнациональных и межъязыковых отношений. В ней использованы результаты этносоциологических исследований, проведенных нами в указанных городах, записи бесед с местным населением, а также в городских и областных партийных и советских органах, наблюдения

и личные впечатления, разного рода справки, полученные в соответствующих учреждениях и организациях; привлекаются также литературные материалы и данные прессы.

Проблемы таджикско-узбекских межнациональных отношений сложны и многомерны. Здесь затрагиваются некоторые из них.

В развитии современных узбекско-таджикских межнациональных отношений в рассматриваемых городах ощущается заметная напряженность. Причин тому много. Одна из них связана с этнодемографической ситуацией. Дело в том, что при фиксации численности таджикского (и таджикоязычного) населения Самарканда и Бухары на протяжении длительного времени наблюдается путаница. Таджики считают, что данные, полученные в ходе переписей, проводившихся в этих городах начиная с 1920 г., искажают реально существующую этнодемографическую ситуацию. О недоверии к результатам переписи свидетельствуют, в частности, письма и жалобы, адресованные, как правило, в ЦК КПСС. Так, в преддверии переписи населения 1989 г. таджиками Самарканда, например, высказывались пожелания взять ее проведение под контроль комиссии из Москвы, а итоги подводить в нейтральном городе за пределами Узбекской ССР, чтобы избежать их возможного искажения. Последнее не исключено в силу определенных конъюнктурных соображений. Высказываются также идеи о проведении независимой переписи в этом городе.

Все дореволюционные официальные источники единодушны в том, что в традиционно многонациональном Самарканде таджикоязычные жители составляли не менее 60% населения. По мнению Л. Ф. Костенко, в 70-х годах прошлого столетия таджики были основным населением этого города¹. Н. М. Вирский отмечает, что в Самарканде в те годы насчитывалось 35,3 тыс. жителей, из них таджиков — 33,6 тыс., остальные персы, индийцы, бухарские (среднеазиатские) евреи, узбеки². В 1897 г. численность таджикоязычного населения составляла здесь 36,8 тыс. человек, узбекоязычного — 5,5 тыс., сартов — 287, «тюрок без распределения» — 77 человек³. По свидетельству И. И. Зарубина, специально описавшего этноязыковую ситуацию в Самарканде, в 1915 г. там проживали 59,9 тыс. таджиков и 0,8 тыс. узбеков⁴. В 1920 г. в Самарканде было 44,8 тыс. таджиков (54,5%) и 3,3 тыс. узбеков (4%)⁵. Остальное население — ираны, среднеазиатские евреи, русские и др. Значительное уменьшение численности таджиков в 1920 г. (по сравнению с 1915 г.) можно было бы объяснить высокой смертностью жителей голодной зимой 1917—1918 гг. Но в то же время произошло увеличение численности узбекского населения, что было, по-видимому, достигнуто за счет механического прироста. Значительную роль в уменьшении численности таджикского населения сыграла наблюдавшаяся уже тогда тенденция узбекизации таджиков.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. в Узбекской ССР дает во многом иную картину. В опубликованных материалах переписи в Самарканде числятся 10,7 тыс. таджиков, 43,3 тыс. узбеков⁶, т. е. численность таджикского населения города за 11 лет (по сравнению с 1915 г.) сократилась на 76%, узбекского же возросла более чем в 50 раз. На этой проблеме мы остановимся. Это тем более важно, что сложная ситуация, возникшая в современных узбекско-таджикских межнациональных отношениях, типична и для некоторых других регионов страны. Характерна она, пожалуй, и для ряда стран Восточной Европы с тоталитарными в прошлом режимами. Вспомним кризис в венгеро-румынских отношениях из-за венгров Румынии или события в Косово (Югославия) и т. п.

В. И. Ленин говорил о необходимости осторожного подхода к национальному вопросу, призывал «предоставить национальным группам Туркестана возможность организоваться в автономные республики»⁷ и считал необходимым сделать это «в соответствии с его (Туркестана. — Р. Р.) территориально-этнографическим составом»⁸. В 1920 г. он одобрил проект туркестанских коммунистов и Комиссии по делам Туркестана о дальнейшем развитии совет-

ской государственности народов Туркестанской республики путем проведения национально-государственного размежевания. В своих «Замечаниях на проекте решения ЦК о задачах РКП(б) в Туркестане» В. И. Ленин пишет: «Поручить составить карту (этнографическую и проч.) Туркестана»⁹. Важно отметить, что В. И. Ленин настаивает на составлении этнографической карты региона, в чем находит отражение понимание им всей сложности проблем национально-государственного строительства. Вместе с тем он выдвигает идею подразделения Туркестана «на Узбекию, Киргизию и Туркмению»¹⁰ и созыва съезда «Советов узбекских, киргизских и туркменских трудящихся для окончательного разрешения вопроса об организационных формах»¹¹ осуществления национального размежевания. Следует отметить, что В. И. Ленин не считает проект Туркомиссии окончательным, наоборот, настаивает: «... детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей»¹².

Обращает внимание и следующее замечание В. И. Ленина в связи с указанным проектом: «Необходимо, на мой взгляд, проект т. Рыскулова отклонить»¹³. Проект Рыскулова представлял собой идею создания Туркестанской автономной республики в Средней Азии. Ленин отверг этот проект. По замечанию В. В. Бартольда, когда «в 1920 году была утверждена конституция Туркестанской республики, то „коренными национальностями“ ее были признаны только киргизы, узбеки и туркмены; древнейшие жители края, таджики, были забыты»¹⁴, что повлекло за собой значительное ущемление национальных интересов таджиков, создало базу для усиления националистических настроений в регионе. Под видом реализации решений центра местное руководство проводило шовинистическую политику, отрицая сам факт существования автохтонного населения края — таджиков — чуть ли не на всей территории Средней Азии. Местные власти открыто призывали к ассимиляции таджикского народа узбеками, объявляли таджикский язык не соответствующим духу нового строя. Подобный «радикализм» находил отражение на страницах печати. 2 января 1924 г., незадолго до образования Узбекской ССР, газета «Туркестан» писала: «Желание употребить этот язык (таджикский. — Р. Р.) означает, во-первых, стремление отделиться от жизни, потому что жизнь и течение истории против него; во-вторых, факт принятия его означает принятие не полезного, а бесполезного и лишнего языка, а потому таджикам необходимо просто-напросто немедленно перейти на узбекский язык и не притрагиваться особого таджикского языка», так как «ходом социального прогресса уже решена их судьба»¹⁵.

Думается, подобные публикации отражали согласованную официальную точку зрения центра и местных органов власти Туркестанской АССР. Линия на языковую ассимиляцию таджиков успеха не имела. Несмотря на давление сверху, в Самарканде и Бухаре еще до конца 50-х годов большинство школ, как и в дореволюционное время, оставалось таджикскими. Зато призывы к узбекизации таджиков не могли не отразиться на результатах переписей, они способствовали резкому «уменьшению» численности таджиков, например, при переписи 1926 г. Кроме того, эта националистическая пропаганда создала основу для реализации порочных методов национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. В парадоксальной ситуации, которая сложилась в первые годы Советской власти в этом регионе, план национально-государственного размежевания фактически принял характер государственно-административного строительства. Иными словами, в результате национально-государственного размежевания не был до конца решен главный вопрос — национальный.

В результате разделения в 1924 г. Туркестана на три республики Самарканд, Бухара и другие районы с преобладающим таджикским населением отошли к Узбекской ССР. Совершались и другие ошибки принципиального характера: Самарканд был объявлен столицей Узбекской ССР (до 1930 г.). Столицей Таджикистана (сначала автономной области, затем автономной республики в составе Узбекской ССР) стал небольшой кишлак Душанбе. В результате воле-

вых методов районирования указанные города и районы отошли к Узбекистану без учета языковой, культурной и этнической принадлежности численно преобладавшего в них ираноязычного населения. В итоге при переписи 1926 г. преобладающая часть таджикского населения Самарканда и Бухары, оказавшись под влиянием узбекоцентристских настроений, при ответе на вопрос счетчиков о национальной принадлежности в большинстве вынуждены были называть себя узбеками¹⁶, другие выбрали узбекскую национальность из опасения лишиться права на проживание в родном городе. В Самарканде и в наши дни приходится слышать рассказы о том, что во время переписи 1926 г. таджикам угрожали: «Запишешься таджиком, уедешь в кишлак Душанбе!» Предпринимались и сугубо административные меры. В первые годы после образования Узбекской ССР в Самарканде и Бухаре в школах, где учились в основном таджикские дети, преподавание велось на узбекском языке. Газета «Правда Востока» писала, например: «Характернее всего то, что детей запугивали обязательной посылкой в Душанбе, если они обучаются таджикскому, а не узбекскому»¹⁷. Местные старожилы вспоминают, что во время переписи населения 1926 г. люди с тревогой говорили о том, что тех, кто на вопрос регистраторов о национальности ответит «таджик», власти будут высылать в Таджикистан. Такие же факты приводит журнал «Коммунист»¹⁸. Пожилые жители Бухары вспоминали, что во время переписи 1926 г. иные счетчики к таджикам специально обращались со словами: «Вы перс или узбек?». Сказать «перс» означало причислить себя к шиитам; таджики, как и узбеки, — сунниты. Тогда люди, не видя иного выхода, говорили: «Мы узбеки».

Говоря о просчетах переписи 1926 г., следует отметить следующее обстоятельство. В процессе опроса местного населения был употреблен термин *миллат* — калька с русского слова «национальность», что, несомненно, было ошибочно. Арабское *миллат* (*миллият*) обозначает скорее принадлежность к религиозной (мусульманской) общине. По-видимому, идею национальности (национальной принадлежности) лучше передало бы слово *кавум* (народ, племя). Пожилые жители Бухары и ныне крупные этнические общности обозначают именно понятием *кавум*.

В предисловии президиума ЦСУ Узбекской ССР к «Материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР» говорится: «Основной формуляр переписи [—] личный листок, составляющийся на каждого гражданина республики, был отпечатан на двух языках [—] узбекском и русском»¹⁹. Там же читаем: «Была проведена широкая агитационная работа по подготовке населения к переписи. Отпечатанные на узбекском и русском языках брошюры, листовки и воззвания широко распространялись среди масс»²⁰. Традиция опроса таджикского населения лишь на узбекском языке жива и в наши дни. В Бухаре во время переписи населения 1989 г. применялся только узбекский перевод переписного листа общесоюзного образца. Ведомственные статистики мотивировали это тем, что бухарцы плохо владеют русским языком, а узбекский им доступен. Никто с этим не спорит. Однако, идя по этому пути, организаторы переписи забывают национальные интересы таджикского населения.

В 1926 г. в Бухаре было зафиксировано 8,6 тыс. таджиков, по переписи 1979 г. — лишь 1,1 тыс. Складывается впечатление, что репрессии 30—40-х годов и потери в Великой Отечественной войне коснулись только таджиков. Согласно данным, полученным нами в Бухарском горисполкоме, на 1 августа 1988 г. в городе насчитывалось 173 тыс. узбеков, 34 тыс. русских, 14,8 тыс. татар, 1,7 тыс. корейцев, 1,4 тыс. таджиков, 1,4 тыс. казахов, 0,5 тыс. евреев и др. Как видно, таджики по численности уступают даже корейцам, которые, живя в этом городе и общаясь с местным населением, часто используют либо русский, либо таджикский язык.

По переписи 1979 г. в Самарканде жили 224,7 тыс. узбеков и 64,8 тыс. таджиков. Конечно, не следует отрицать рост численности узбекского насе-

ния в Самарканде — в прошлом столице, ныне областном центре Узбекской ССР. Есть также немало смешанных семей. В данном случае речь идет о том, что статистика не отражает реальную этнодемографическую ситуацию. Следует упомянуть, что из 224,7 тыс. узбеков Самарканда, по данным переписи 1979 г., 52,2 тыс. человек (24,6%) своим родным языком считают таджикский*. Поэтому частично прирост узбекского населения города был достигнут за счет местных таджиков.

Для понимания происходящих в Бухаре и Самарканде этнических процессов некоторое значение имеют материалы проведенного нами опроса. Разумеется, полученные нами данные не претендуют на полноту; для этой цели должно быть проведено специальное этносоциологическое исследование. Тем не менее мы изложим некоторые результаты нашего опроса. Они свидетельствуют о достаточно высоком уровне этнического (национального) самосознания местного населения указанных городов. В Самарканде для исследования был выбран Сиабский район города, в Бухаре — Файзуллаходжаевский. Эти районы в основном совпадают со старыми центрами городов; кроме того, они включают и прилегающие территории, застроенные в советский период. Всего в Самарканде было обследовано 300 дворов частного сектора — *хаули*, 242 в Бухаре. В переводе на количество людей это около 3000 человек в Самарканде и 1313 — в Бухаре. Дети до 5-летнего возраста не опрашивались.

Принцип выборки домов-усадеб варьировался. В выходные дни, когда взрослые члены семьи обычно находятся дома, они обследовались по возможности подряд (тадж. *дар ба дар*), от 10 до 15 хаули, в будние дни — по принципу «открытых ворот» и наличия взрослых дома. В этом случае этнографы полагались на понимание ситуации сопровождающими. Ими, как правило, были люди пенсионного возраста, узбеки или таджики — общественные уполномоченные (тадж. *вакили гузар* или *оксаколи гузар*) от соответствующих махаллинских (от *махалла*, что значит «квартал», «квартальная община») комитетов. В махалькомах, там, где это было возможно, производились записи о количестве хаули на территории данного квартала, а также об этническом (национальном) составе его населения. В свою очередь сообщения соответствующего вакиля об этнической ситуации на «его» улице (улицах), выбранной для обследования, также заносились в дневник. Эти сведения затем сопоставлялись с сообщениями старожилов в обследуемых домах. Возможные разночтения учитывались. Для удобства работы членов отрядов «рабочим языком» был выбран русский, в затруднительных случаях применялся узбекский или таджикский, в зависимости от конкретной языковой ситуации. С узбекским языком членам отрядов большую помощь оказывали сопровождающие, которые по преимуществу были узбеками. Вообще надо сказать, что узбеки Самарканда и Бухары достаточно свободно владеют и таджикским языком, трудности испытывают лишь те, кто приехал в эти города для постоянного жительства сравнительно недавно. Такие семьи попадают в новых жилых районах.

В Самарканде опрошенные старше 18 лет составили 1361 человек. Из них 173 человека, в том числе 61 женщина, осознают себя узбеками, 1164 человека, в том числе 598 женщин, — таджиками. Остальные — представители группы ирани, туркмены и др. В Бухаре из 1313 опрошенных 179 человек осознают себя узбеками, 902 — таджиками, 97 — ирани; остальные — среднеазиатские евреи, цыгане (*лули*), татары и др. Мы побывали всего лишь в 242 дворах частного сектора (*хаули*), а их в городе — 23 065. Если к 902 таджикам, зафиксированным нами в 242 хаули, прибавить не охваченных опросом детей до 5-летнего возраста и тех таджиков, которые по разным причинам считают себя узбеками²¹, то мы практически выходим на уровень переписи населения 1979 г.

* Всесоюзная перепись населения 1979 г. по Самарканду Самаркандской области. Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования. ЦСУ СССР. М., 1979. С. 13—17.

по численности таджиков в целом по Бухаре. Это обстоятельство значительно подтверждает недоверие таджиков, например, Бухары к результатам переписей.

Немало ошибок и перегибов было допущено в Бухаре в ходе переписи 1989 г. На ряд просчетов, допущенных в ходе переписи, указала областная газета «Советская Бухара» от 28 января 1989 г. в статье под заголовком «Перепись... вдогонку». От жителей Бухары нам неоднократно приходилось слышать, что счетчики к ним не приходили, что они обошли стороной целые улицы, на которых живут в основном таджики или ирани, и т. д. В ряде случаев люди говорили вполне определенно: «Перепись у нас прошла заочно». Этнографами зафиксированы случаи, когда таджикам — жителям Бухары предлагали отказаться от своей национальности (иногда дело доходило до конфликта между жителями и счетчиками). Для этой цели счетчики использовали запись национальности людей в паспорте, обычно не соответствующую истинному положению. Таджики Бухары говорили: «Моя а руи бошпурт нависта рафт» (т. е. «Нас записали по паспорту») или «Миллати моя напурсида рафт» («Про национальность нас не спрашивали»). Как известно, подобные «вольности» идут в разрез с требованиями «Положений» по проведению переписи населения.

В Самарканде и Бухаре реальная национальность таджиков в большинстве случаев не совпадает с национальностью, зафиксированной в паспорте. Выше говорилось о перегибах, совершаемых при переписях. То же происходило и при фиксации в документах национальности таджикского населения. Следует отметить, что некоторые таджики Самарканда и Бухары, главным образом пожилые, и в наши дни причисляют себя к узбекам. Они мотивируют это так: «Чор рузи дига [р] умр дорем, фаркаш чи?» («Жить осталось четыре дня, какая там разница?»). Чаще всего таджики говорят: «Мо — тоджик, миллат — ба узбек» («Мы — таджики, [но] по национальности [мы] — узбеки»). Национальность в данном случае означает запись в паспорте. Под воздействием процесса оздоровления, охватившего всю страну, таджики Самарканда и Бухары теперь все больше «открываются», оживляется интерес к истории и исторической памяти, и на вопрос «Кем вы себя считаете?» отвечают: «Тоджик» или «Тоджик, отанемо тоджик, хафт пуштамо тоджик» («Таджик» или «Отец и мать — таджики, семь поколений наших предков — таджики»).

Несовпадение самосознания таджиков с записью их национальности в паспорте — факт общеизвестный²². Он свидетельствует о формальной денационализации таджиков. Из 1164 жителей Самарканда, осознающих себя по всем параметрам нашего вопросника таджиками, лишь 222 человека являются ими по паспорту. В Бухаре из общего числа опрошенных нами 1313 человек по паспорту 841 записаны узбеками, 20 — таджиками, 5 — ирани. Причем шесть паспортов из 20 с таджикской национальностью получено в Таджикской ССР, остальные (14) принадлежат людям пожилого возраста.

Противоправность подобных действий в оформлении паспортов для граждан таджикской национальности очевидна. Руководители органов внутренних дел Самаркандской и Бухарской областей считают, что таджики записаны узбеками постольку, поскольку узбеками были записаны их родители. Однако так бывает не всегда. нередки случаи, когда дети таджиков в паспортах записывались узбеками. Так или иначе, получается замкнутый круг. Таджики обращаются с заявлениями в местные органы МВД по поводу восстановления правильной записи их национальности, но работники паспортных столов со ссылкой на «Положение о паспортной системе в СССР» им отвечают, что оснований для этого нет. Практика оформления паспортов уязвима по следующим причинам. 1. В некоторых паспортах записано две национальности (иногда если на странице с паспортными данными на русском языке гражданин записан «таджик», то на странице с данными на узбекском — «узбек»). 2. Встречаются семьи, где часть детей от одних и тех же родителей записана таджиками, часть — узбеками. 3. В ряде случаев люди при получении первых паспортов были записаны таджиками, а при получении, например, в результате реформ паспортной систе-

мы последующих паспортов — узбеками. 4. Бывшие руководители Узбекской ССР официально признавали несоблюдение закона при выдаче паспортов гражданам таджикской национальности. 5. Существуют расхождения в подходе к вопросу об определении национальности между органами Госкомстата, определяющими национальность людей по самоопределению, и МВД, игнорирующими указанный подход²³. Если нам понятно функционирование механизма, при котором таджики были записаны узбеками, то необходимо стремиться к восстановлению истины*.

По нашим данным, в Самарканде и Бухаре процесс формальной денационализации коснулся не только таджиков. Узбеками записаны арабы, абсолютное большинство ирани, часть туркмен, лули и др.

Остановимся на родном языке таджиков Самарканда и Бухары. Таджики Самарканда, например, на вопрос о родном языке отвечают: «узбекский». Выясняется, что подавляющее большинство таджикских детей в школах как родной язык изучают узбекский, который является языком школьного обучения и высшего образования. Поэтому для части таджиков родной язык здесь ассоциируется с учебником «Родная речь», по которому они обучаются в школе.

Развитие узбекско-таджикского двуязычия имеет богатую традицию. До тех пор пока этот процесс развивался естественно, он давал замечательные плоды, служил интересам взаимного обогащения двух культур. После размежевания характер взаимодействия языков изменился. Таджикский язык, оставаясь языком домашнего и бытового общения таджикского и таджикоязычного (ирани, среднеазиатские евреи и цыгане) населения Самарканда и Бухары, вынужден был уступить доминирующее положение в сфере образования, общественно-политической тематики и делопроизводства узбекскому языку. Издержки не заставили себя долго ждать.

Дети жителей городского квартала (махалла) «Мехнат» в Самарканде обучаются в средней школе № 52. На территории этой махалла 191 *хаули*, т. е. дворов частного сектора. Из них, по сообщению наших информаторов, по два *хаули* принадлежат корейцам и татарам, по четыре — узбекам и русским, остальные — таджикам. За редчайшим исключением, данная картина типична для всего Сиабского района города: ядро населения квартала таджикское, школьное же обучение осуществляется либо на узбекском, либо на русском языке. Существуют и смешанные школы, в которых преобладают узбекские или русские классы. В школах города сплошь и рядом встречаются так называемые узбекские классы, в которых либо вовсе нет узбекских детей, либо имеется от 1 до 5—6 учеников на 25—30 учащихся, в основном таджиков. То же относится и ко многим классам с русским языком преподавания. Языковую атмосферу общения в стенах школы определяет преобладание таджикоязычных детей. Так, например, дети туркмен дома с родителями предпочитают говорить на таджикском языке, потому что, обучаясь в так называемых узбекских классах и школах, они практически оказываются среди детей-таджиков.

В школах отмечалось, что таджикские педагоги вынуждены учить и собственных детей на узбекском языке (педагоги в школах Сиабского района в основном таджики, хотя обучение ведется на узбекском языке).

По сообщениям наших информаторов, жителей Самарканда, до войны в городе было всего две школы с узбекским языком обучения; в них в основном обучались дети ирани. Остальные были таджикскими, несколько русских, две армянские. В настоящее время в городе нет ни одной (!) таджикской школы²⁴. По нашим данным, в 1987/88 учебном году в Самарканде 10-е классы с таджикским языком обучения окончили 252 человека, узбекские — 1493, русские — 1350 человек. И это несмотря на то, что более 60% учащихся школ горо-

* Похоже, что в Самарканде, например, лед уже тронулся. В результате политической голодовки, объявленной главным бухгалтером Самаркандского облоно, литератором Хаётом Нематовым, местные власти решили значительно демократизировать существовавшую политику в паспортном деле.

да, по признанию заведующего Самаркандского горно Н. С. Латыпова составляют дети таджиков.

Последствия неосмотрительности бывших руководителей Узбекской ССР оказались весьма серьезными. В результате страдают дети не только таджиков, но и узбеков. Последние хотя и имеют возможность учиться на родном языке, но в стенах школы, из-за преобладания детей таджиков, находятся в атмосфере общения на таджикском. Во время уроков педагоги объясняют ученикам трудные положения на таджикском языке. Это относится и к изучению русского и иностранных языков. В подобной обстановке многие узбекские дети вынуждены практически учиться и общаться с одноклассниками на таджикском языке. Вместе с тем нельзя не заметить, что такое положение вполне способствует формированию и росту чувств национального превосходства узбекских детей.

Перекосы в области народного образования снижают также уровень подготовки таджикских детей. Интересы многих самаркандских и бухарских школьников весьма ограничены, их кругозор узок, они не имеют широкой ориентации, при выборе жизненного пути испытывают значительные трудности. Существующие проблемы люди связывают с негативными явлениями в практике обучения. Узбекский ребенок, придя в школу, невольно оказывается в плену у языка и воззрений численно преобладающих таджикских детей, а таджикские дети во время уроков не имеют возможности раскрепоститься, выразить себя в области понятного и доступного им родного языка.

Таким образом, узбекизация процессов обучения в Самарканде и Бухаре несет в себе ощутимые отрицательные последствия. Это сказывается и в том, что массы таджикских детей в процессе своей социализации лишены возможности усвоения, хранения, умножения классической и современной национальной литературной традиции²⁵ и вообще национальной культуры²⁶.

Недостаток внимания к языковому аспекту в узбекско-таджикских межнациональных отношениях нельзя считать оправданным. Ныне жизнь настойчиво требует дать таджикским детям возможность учиться на родном языке. В Самарканде, по мнению некоторых партийных работников высшего звена, родители не проявляют в этом отношении достаточной активности. Однако эти работники забывают, что в 60-е годы никто не интересовался подобной «активностью» родителей и дело обошлось без их согласия. Руководители Бухарского обкома КПСС признают, что родители, не видя перспективы для своих детей после получения среднего образования на таджикском продолжить учебу в вузах на этом языке, вынуждены записывать ребят в школы с русским или узбекским языком обучения²⁷. Такое же мнение существует и в Самарканде²⁸.

Нет сомнений, проблема обучения таджикских детей на родном языке ныне теснейшим образом связана с проблемой поступления в вуз. В вузах Самарканды и Бухары абитуриенты сдают вступительные экзамены в основном на узбекском и русском языках; наметившиеся в этом отношении сдвиги весьма скромны, например открытие таджикских классов и факультетов.

Следовательно, проблему корректирования языковой ориентации школ невозможно решить без демократизации вуза. Но руководители областей и народного образования утверждали, что данный вопрос относится к компетенции Минвуза республики. А там уже давно существует мнение, что к этой проблеме следует подходить «взвешенно, обдуманно, без эмоций», не торопясь. Так рождается стиль работы, весьма удобный для аппаратчиков.

В Самарканде и Бухаре в области среднего и высшего образования сложилось положение, которое недопустимо в отношениях между двумя народами. Это противоречит основополагающим принципам гуманности и идеалам социализма, провозглашающего равенство всех наций и народностей. На деле получается, что узбеки и таджики лишь формально равны. Что касается пользования реальными правами, то декларации могут не совпадать с фактической стороной дела. Уместно в этой связи вспомнить замечание газеты «Социа-

листическая индустрия» (от 4 июня 1988 г.) о том, что «среди таджиков, проживающих на территории „своей“ республики, процент людей с высшим образованием в два раза выше, чем у... таджиков, которые живут на территории соседней Узбекской ССР».

Духовная ущемленность таджиков в Самарканде и Бухаре имеет еще один аспект. Полученные материалы свидетельствуют об острой необходимости удовлетворения культурных потребностей таджиков. Наиболее часто люди говорили о необходимости издания персидско-таджикской классики и произведений современных таджикских авторов, об областной газете на таджикском языке. Но в обкомах партии долгое время считали, что в этом нет большой необходимости, кроме того, нет денег и бумаги. Руководители Самаркандского обкома партии в личной беседе с этнографами говорили о том, что планируется издание литературного еженедельника на трех языках — узбекском, русском и таджикском. Издание же областной газеты на таджикском языке не встречало поддержки в среде работников обкома, которые объясняли свою позицию якобы численным преобладанием в городе узбеков. Руководители обкома забывают, что таджикское меньшинство в области также имеет право на газету на родном языке. Вспомним, что у татарского населения Узбекской ССР есть газета на татарском языке, а фактически преобладающее таджикское население Самарканда до недавнего времени областные газеты читало на узбекском и русском языках. Вопрос с областной газетой на таджикском языке частично был в конце концов решен после требований на многолюдном митинге таджикозычного населения города, прошедшем в октябре 1989 г.

Обращают на себя внимание названия издаваемых в Самарканде областных газет — «Ленинский путь» (на русском) и, что то же самое, «Ленин йули» (на узбекском языке). Названия этих газет также свидетельствуют о том, что в республике попораны национальные интересы таджиков и забыты их языковые и культурные потребности.

Перегибы в области удовлетворения социальных и культурных запросов таджиков Самарканда и Бухары ощущаются почти повсеместно. Они выражаются в том, что в Самарканде, например, нет памятника основоположнику персидско-таджикской классической литературы Абу Абдулло Рудаки, более 1000 лет назад жившему и творившему в этом городе. Нет также достойного памятника основоположнику таджикской литературы, первому президенту Академии наук Таджикской ССР Садриддину Айни, также жившему и писавшему в Самарканде. Таджики Самарканда и Бухары всерьез озабочены тем, что у них нет условий для воспроизводства национальной культуры. Классика и произведения современных таджикских авторов в Узбекистане не издаются, продукция душанбинских издательств продается лишь в двух маленьких магазинах — по одному на каждый город. Таджикский национальный театр отсутствует. Демонстрация кинофильмов на таджикском языке не практикуется. Несмотря на многочисленные заявления руководителей Узбекистана, задача ретрансляции программ душанбинского телевидения по существу не решена. Предлагаемые потребителям необходимые для этой цели антенны и приставки обходятся почти в 100 руб. на одну точку.

Нежелательных явлений в современных узбекско-таджикских межнациональных отношениях накопилось много. Наблюдается, например, тенденция «узбекизации» истории. Суть ее состоит в том, что в ряде научных работ и в произведениях некоторых писателей Узбекистана, а также в средствах массовой информации республики таджики вопреки правде изображаются некоренными, пришлыми, насильственно переселенными в Среднюю Азию из Ирана. Создан также миф о том, что таджики — это тюрки или узбеки, говорящие на ломаном персидском языке; утверждается, что слово «таджик» происходит от названия арабского племени «тай» и т. п.²⁹ Цель подобных неосмотрительных тезисов ясна каждому: игнорировать роль ираноязычных народов в историческом процессе, в создании величайших памятников истории и куль-

туры. Все это унижает национальное достоинство таджиков и вызывает их справедливую обиду.

Многонациональные регионы и республики у нас в стране не редки. Но конфликты в национальных отношениях часто возникают именно там, где отсутствуют необходимые условия для всестороннего и гармоничного развития всех национальных компонентов. В полиэтническом Узбекистане давление местной политической машины состояло в том, чтобы оторвать таджиков от их исторических и культурных корней, попытаться достичь нивелирования культурного многообразия, приписать лишь узбекам заслугу в создании величайших памятников культуры в регионе. Как правило, все это вызывает ответную реакцию, активизирует действие защитного механизма, подчас ошибочно именуемого национализмом. Особенность «национализма» таджиков Самарканда и Бухары состоит в том, что их тревожит ситуация, при которой их дети в процессе социализации все больше отрываются от своих корней. Создание максимальных условий для саморазвития, для пользования благами социализма на равных с другими народами страны правах — вот единственный путь снятия нынешней острой ситуации в Самарканде и Бухаре. Игнорировать ее — означает преднамеренно накалять обстановку, провоцировать нежелательные акции, вести дело к возникновению кризиса с его непредсказуемыми последствиями; некоторые признаки кризиса ощущаются в Самарканде уже сейчас. Благодаря усилиям демократических форм общественного движения таджиков и таджикоязычных народов пока удается сдерживать нежелательное развитие событий.

Итак, в узбекско-таджикских межъязыковых и межнациональных отношениях существует целый ряд нерешенных проблем. Их затяжной характер привел в конце концов к тому, что в Самарканде и Бухаре в сфере удовлетворения языковых и социально-культурных потребностей таджиков сложилась, можно сказать, катастрофическая ситуация. Приведенные данные говорят о том, что языку, культуре, национальным чувствам и интересам таджиков в этих городах нанесен глубокий ущерб. Негативные коллизии в области узбекско-таджикских межъязыковых и межнациональных отношений создают заметную социальную напряженность. Последняя обостряется, с одной стороны, общими для всей страны экономическими трудностями, с другой — ростом в условиях перестройки национального самовыражения «безмолвных» в прошлом таджиков Узбекистана. Последнее находит отражение в развитии общественного движения. В марте 1989 г. в Самарканде, например, прошло учредительное собрание областного общественно-культурного объединения «Самарканд» (ОКО «Самарканд»). Оно ставит своей целью развивать национально-культурную самобытность таджиков и таджикоязычного населения области. Создан также Национально-культурный центр таджиков. Предполагается изучение и исследование истории, языка и социально-культурной жизни таджиков и таджикоязычного населения Самарканда. Активизация общественного движения среди таджиков ощущается и в Бухаре.

Анализируя проблемы узбекско-таджикского межнационального взаимодействия в интересующих нас городах, нельзя не отметить, что основная масса узбеков негативно относится к сложившейся ситуации. Они обеспокоены тем, что узлы дружбы и братства, которые длительное время связывали таджиков и узбеков, ныне ослаблены. Предстоит приложить немало усилий, чтобы исправить сложившееся положение и создать нормальные условия для саморазвития национальной культуры таджиков не только Самарканда и Бухары, но и других таджикоязычных районов республики. Важно, чтобы таджики Узбекской ССР обрели возможность без какой-либо дискриминации пользоваться теми языковыми и социально-культурными благами, которые декларирует общество. По-видимому, есть смысл тщательно продумать вопрос об особом статусе таджикского языка в Узбекской ССР. Представляется оправданным, чтобы при сохранении русского языка в качестве общесоюзного официального языка республики таджикский обрел надежно гарантированный, исключительный

дискриминацию статус равенства с узбекским языком. Во всяком случае, правовой механизм, обеспечивающий защиту таджикского языка в этой республике, необходим. Такой подход в решении языковой политики создал бы основу для воспроизводства национальной культуры таджиков в Узбекской ССР и в значительной степени снял бы остроту нынешней ситуации в узбекско-таджикских межъязыковых и межнациональных отношениях. Утверждение узбекского языка в качестве государственного языка Узбекской ССР, без учета законных интересов таджикского, несомненно, самым печальным образом отразится на языковой и социально-культурной ситуации в Узбекистане. В таджикоязычных городах и районах республики это ощущается уже сейчас. Здесь Закон о государственном языке Узбекской ССР не пользуется достаточной популярностью главным образом из-за того, что в нем интересы таджикского языка учтены лишь в незначительной степени.

Примечания

¹ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. Т. 1. СПб., 1880. С. 440.

² Вировский Н. М. Сведения о Зеравшанском округе // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. СПб., 1876. С. 30—31.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXXIII. Самаркандская область. СПб., 1905. С. 3, 48—49.

⁴ Зарубин И. И. Список народностей Туркестанского края // Тр. Комис. по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (далее — Тр. КИПС). № 9. Л., 1925. С. 7; *его же*. Население Самаркандской области // Там же. № 10. Л., 1926. С. 23.

⁵ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике. Ч. 1. Поселенные итоги. Вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области. Ташкент, 1924. С. 31; Зарубин И. И. Список народностей... С. 7, 33.

⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. XV. Узбекская ССР. М., 1928. С. 27—28.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 435.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 436.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 435.

¹² Там же. С. 436.

¹³ Там же. С. 435.

¹⁴ Бартольд В. В. Соч. Т. II. Ч. I. М., 1963. С. 468.

¹⁵ Туркестан. 1924. 2 янв.

¹⁶ О. А. Сухарева ввела в научный оборот определение «таджикоязычные узбеки». В этой связи исследовательница пишет: «Таджикоязычность жителей (Бухары. — Р. Р.) отмечена в 193 кварталах (из 220). Вопрос, кем считают себя сами жители, специально выяснялся в 102 кварталах; в 88 из них жители, будучи таджикоязычными, называли себя узбеками». См.: Сухарева О. А. Бухара. XIX — начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 124. Природа данного явления теперь становится понятной. По нашим данным, таджики называли себя узбеками по факту жительства на территории Узбекской ССР. Пожилые жители г. Канибадама (север Таджикиской ССР) до сих пор, выезжая в Душанбе, говорят, что отправляются в Таджикистан; то же самое нам приходилось слышать и в Ходженте. Дело в том, что Канибадам, как и Ленинабад (Ходжент), в первые годы после размежевания относился к Узбекской ССР.

¹⁷ Правда Востока. 1926. 30 авг.

¹⁸ Зеймаль Е. Народности и их языки при социализме // Коммунист. 1988. № 15. С. 68.

¹⁹ Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Самарканд, 1927. С. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Среди 179 человек, осознающих себя узбеками, есть, например, и таджики, которые по разным причинам (в частности, из-за того, что их детей не приняли в вузы Душанбе или из других соображений) причислили себя к узбекам. Говоря о численности таджиков в Бухаре, сами таджики называли обычно 80—90% по шкале «узбек : таджик», а узбекские информаторы считают, что таджики составляют 70—80% населения города. О ясном преобладании таджиков в этом городе сообщили также русские, бухарские евреи, ираны, лули, татары. Интересно, что русские Бухары и Самарканда в разговоре с местным населением используют не только русский, но и таджикский язык. На наш вопрос: «Бухара город узбеков или таджиков?» — из 377 опрошенных указанных национальностей (преимущественно пожилых) 375 человек ответили в пользу таджиков; лишь двое из многих опрошенных узбеков утверждали, что Бухара — город узбеков; один из них утверждал, что в этом городе вообще нет таджиков.

²² Вечерний Душанбе. 1988. 22 июня; Правда. 1988. 26 июня.

²³ Другими словами, органы Госкомстата при проведении, например, переписи могут записы-

вать человека кем угодно, только было бы на то его желание. Но это совершенно недопустимо в практике работы органов МВД: они могут записать его только по национальности одного из родителей.

²⁴ Последний выпуск 10-х таджикских классов в Бухаре состоялся в 1976 г. Из-за отсутствия школ на таджикском языке здесь страдают дети не только таджиков, но и ирани, лули и бухарских евреев, которые в домашнем общении говорят на таджикском языке.

²⁵ Таджики Самарканда и Бухары при чтении литературы на родном языке испытывают трудности. В Бухаре нам попадались таджики, которые даже не слышали о великом классике персидско-таджикской литературы Хафизе.

²⁶ В Самарканде и Бухаре на таджикском языке почти ничего не издается. Единственный сборник произведений таджикских писателей и поэтов, живущих в Самарканде, вышел в свет недавно (Гулдастаи Самарканд. Ташкент; Душанбе, 1989), спустя почти 60 лет со времени закрытия здесь таджикской газеты «Овози тоджик» («Голос таджика»).

²⁷ Взвешенно, обдуманно, без эмоций. Интервью секретаря Бухарского обкома партии С. Н. Бахрановой // Советская Бухара. 1988. 30 апр.

²⁸ Мирсаидов Д. Двужычие и многоязычие // Ленинский путь. Самарканд, 1988. 5 нояб.

²⁹ См., например, «эссе» писателя Мухаммада Али, опубликованное в газете «Еш ленинчи» от 30—31 августа 1988 г. Творцам подобных «теорий» дан убедительный отпор (см.: Правда Востока. 1986. 4 дек.; 1988. 27 окт.; Хакикати Узбекистон. 1988. 15 сент.).